

Фани Виталь

ПТИЦА НА ПРИВЯЗИ

16+

ПТИЦА НА ПРИВЯЗИ

Фани Виталь

Фани Виталь

Птица на привязи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49250558

SelfPub; 2019

Аннотация

Анна живет в Городе М. – современном мегаполисе. Когда она узнаёт о терактах в Африке, где её родители работают врачами, она собирается срочно вылететь к ним. Но задымлённый от горящих торфяников Город М. словно не выпускает ее из своих каменных «объятий». Случайная встреча сводит Анну с эксцентричной девушкой Герой. У них много общего, в том числе, им обеим нравится кинематограф 60-х, книга «Бойцовский клуб» и ночные разговоры. Незаметно для себя Анна попадает под влияние сильной личности Геры и в ходе их общения приходит к мысли, что она сама виновна не только в исчезновении родителей, но и в смерти своего брата, погибшего в автокатастрофе. Анна словно начинает проживать собственную версию «Бойцовского клуба» и решает, что как Гера, так и Город М. вовсе не те, чем кажутся, и что поиски истины требуют жертв.

Содержание

Об авторе	4
Часть I. (495)	8
***	9
***	12
***	32
***	34
***	38
***	44
***	49
***	53
***	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

*Посвящаю моей маме и моему любимому городу,
М.*

*«Целое – это некая реальность, отличная от
суммы его частей».
Кристиан фон Эренфельс*

Об авторе

Киноповесть «Птица на привязи» – первая книга прозы Фани Виталь (отдельной книгой до этого выходила только ее поэзия «Моя планета», издательство «Юность»). Однако книга выдержала уже два тиража и долгое время держалась в топах в книжном магазине «Москва» с лейблом «бестселлер». Автор – выпускница МГУ им. Ломоносова и ВГИК им. С. А. Герасимова. Публиковала свои стихотворения и рассказы в сборниках и литературных журналах. Писала для кино, телевидения и других СМИ: сценарии полнометражных художественных фильмов, мультфильмов, телесериалов, клипов, рекламных роликов, статьи на самые различные темы. Занималась адаптацией театральной пьесы (в соавторстве с Сержем Сандором). Также писала тексты песен (в том числе на английском языке – ее одноименная песня «Птица на привязи» (A Bird on a Lead) стала победителем полуфинала британского конкурса UK Songwriting Contest в 2011 г. и вдохновила автора на создание этой киноповести.

Official Site: funnievitalbooks.com

Facebook: www.facebook.com/funnievital

Instagram: www.instagram.com/funnievital

* * *

Я бы хотела выразить самую тёплую благодарность за помощь – прямую и косвенную – в издании этой книги.

Спасибо вам,

– Валентина

– Юрий

– Анна

– Павел

– Анна

– Иван

– Давид

– Моисей

– Илья

– Матрона

– Александр Эммануилович

– Вера

– Тарас

– Галина

– Алла

- *Феликс*
- *Олексий*
- *Инна*
- *Наталья*
- *Юлия*
- *Николай*
- *Юлия*
- *Виктор Викторович*
- *Наталья*
- *Олеся*
- *Томас*
- *Алиса*
- *Ольга*
- *Скип*
- *Кор*
- *Труди*
- *Наталья.*

Часть I. (495)

Он не хотел меня отпускать. Вцепившись сильными, загорелыми руками, душил в своих каменных объятиях, заставляя меня вдыхать его до слюноотделения сладковатый, слегка копченый запах рукавов и оставляя на моей шее влажные следы своего дыхания. Он присвоил меня себе – жестко и бескомпромиссно. Не отпускал именно тогда, когда мне это было особенно нужно. Когда было необходимо улететь отсюда, чтобы найти их. Или, не найдя их, – сбежать куда подальше.

Этот город не отпускал меня... Город М.

Вы скажете, что не было у меня реальных причин, чтобы в тот момент беситься или беспокоиться. Престижный вуз, тачка, родители за рубежом – значит, не доставят. Если бы всё было так просто! С уверенностью могу сказать только одно, это был первый в моей жизни реальный кризис: я не знала, куда теперь идти, чем мне заниматься.

В шестнадцать, после школы, всё было ясно, как в погожий денек бабьим летом на Воробьевых горах, на смотровой: город лежит перед тобой на ладони, и тебе прозрачны все его мотивы, все его настроения. Я знала, что эти пять лет нужно быть с ним – ходить в универ и не задумываться о том, что делать дальше. Пять лет пусть относительной, но определённости. И после универа, чтобы хоть как-то сохранить это состояние, я сразу нырнула в новую определенность – получать второе высшее. Это ещё два года беспечной жизни.

И вот теперь, когда второй диплом уже месяц как был получен, я почувствовала, что всё рухнуло. Меня вынули из моей стихии, из отлаженной системы, где у меня всё было расписано и где каждая лакунка времени была наполнена под завязку. И вот я выброшена волной на берег и судорожно открываю рот, вдыхая задымленный смрад этого города.

Мои одноклассники – дело другое. Закончили, стёрли пот с лица – фух, отмучились! Теперь учиться больше ничему не

надо. Научились уже – на всю жизнь хватит! По их мнению, вот только теперь ты наконец и свободен – живи и радуйся. Кто-то, прямо в июне, забросив оба диплома на антресоли и достав оттуда чемодан, взял годик «каникул» и рванул в Индию. Кто-то нашел себе работу-синекуру у папы, где можно гонять балду, и живет себе, особо не напрягается – журнальчики почитывает, в киношку ходит.

Я пробовала найти работу, но, кажется, ни одно из моих образований не имеет реального приложения в жизни. Сейчас я бы предпочла делать что-то руками, потому что мой мозг уже и так закипает от жары и всех моих проблем. Но, увы, я не плоттерщик, не долбёжник, не гибщик металлоконструкций – никто другой, кем пестрят объявления в сети. Я бы даже согласилась быть простым сушистом или пиццамейкером, или шаурмистом, на худой конец. Но не берут! Уже три недели я слоняюсь со своей писаной торбой – двумя дипломами, как с парой синих мертвых близнецов, – по разным агентствам, обещающим меня трудоустроить. Бесперспективняк. Город вымер.

На улицах этого мёртвого города я натываюсь на обкуренные лица прохожих, больше похожих на призраки, выплывающие из дыма, чем на людей. В моду вошли веера, брызгалки и марлевые повязки, но ничего не спасает. Жара стоит адская, и где-то недалеко от города вот уже третье лето горят торфяники, насылая на нас проклятье удушья. Немилосердный дым чадит своим кадиллом, выкуривая из города, как ему

думается, всю нечисть. Все, кто мог свалить отсюда в это лето, давно свалили: чиновники отправились на свои Канары, лицедеи – на театральные гастроли, а те, кто не спрятался, я не виноват – сердечники гибнут пачками от голода, сурового кислородного голода.

И тут – надо же такому случиться – вдруг пропали мои родители...

Свесив одну ногу на улицу и прислонившись спиной к раме распахнутого окна, я сидела на необъятном подоконнике пятого этажа своего векового дома. Я была на грани нервного срыва. Наверное, поэтому, сорвусь ли я с этого окна, меня мало волновало...

В траве зажигались и гасли едва заметные светляки. По крайней мере, так мне стало казаться. В ноздри настырно лез вездесущий запах гари. Возможно, я опять надышалась дымом, и теперь у меня глюки. Да, курить, будучи уже обкуренной торфяниками, – это не самая лучшая идея. Однако я всё-таки потянулась к столу и, нащупав в темноте пачку «Беломора», вцепилась в нее как в руку, которую мне из марлево-белесой завесы темноты подал какой-то невидимый, но вполне осязаемый друг.

«Гарик!» – подумала я. Эта пачка – единственная роскошь, оставшаяся после моего дэрэ. Вообще-то я была против того, чтобы Гарик таскал мне всякую дрянь. Но он парировал, что это типа не дрянь, а «Беломор»-рулетка в подарок: в каждую пачку он подложил «бомбу» – по паре папиросок-непапиросок – короче, с дурью...

Еще каких-то три дня назад я чувствовала себя почти пай-девочкой. А сегодня подумала: «Всё. Полный абзац! Надо покурить. Может, поможет?». Подражая Гарику, я ловко вы-

била из пачки одну папиросину постукиванием о колено и втянула в себя ее запах так, словно в нем были все ответы, всё спасение...

Вообще-то ночами тут сравнительно тихо. Спать на Малой Бронной ложатся довольно рано, редко какая машина в это время въедет во двор. Моя маленькая «божья коровка» удобно притулилась среди громоздких машин – там, где больше никому и не встать. И каких только понтовых тачек не встретишь на Бронной! Моя, пожалуй, самая скромная среди них.

Дедушка подарил мне ее пару лет назад, на дэрэ и одновременно в честь получения первого диплома. Она мне с самого начала понравилась – ладненькая, покатая, красная, ну разве что черных пятен не хватает. Но портить новенький миникупер такой сомнительной аэрографией мне было жаль. Поэтому дедушка (он у меня еще тот приколист!) прилепил на заднее стекло, вместо банального предупреждающего стикера «туфелька», знак «Осторожно – коровы!»: корова там самая что ни на есть реальная, со всеми рогами-пирогам и копытами, только раскрашена она под «божью коровку», и с крыльями. Вот мы с дедом и стали называть мою мини «божьей коровкой».

Я сидела на вершине облака, а настроение было – хоть вешайся. С высоты пятого этажа я смотрела на задымленный двор, где слабо просматривались туманные очертания машин сквозь молочный шлейф практически не двигавше-

гося воздушного клуба. И тут я увидела три каких-то плывущих по дну задымленного двора светляка, и одновременно с этим зазвенел трек диджея Next «Отрываюсь от земли». Светляки выплыли из дыма – стало понятно, что это мерцающие в ночи телефонные дисплеи: во двор забрели три подвыпивших тина лет четырнадцати. Хит, сдавленный телефонным динамиком, отзудел мегакомаром, потом отщелкал электричеством ЛЭП, потом опять переродился в комара. Его абсолютный клон затянул ту же песню из второй машины, с той лишь разницей, что отставал на несколько секунд. Однако вторая мелодия удачно наложилась на первую, и Next, без его на то ведома, завел стройным хором.

А потом – быц-быц! – третий пацан поставил на своей машине композицию «Moscow Never Sleeps». Ну это уже, конечно, диверсия – бомба в ночной тиши двора.

Мелкие стали шарить по карманам, искать что-то.

Я вдыхала сладковатый аромат беломорины, немного судорожно, словно всхлипывала после долгого плача. Мне совсем не хотелось думать, виновата ли я в том, что произошло. Моя совесть сама неизбежно выносила приговор: виновна...

Чиркнула спичкой и закурила. Мы с торфяниками теперь чадим на пару.

Один из тинов, самый высокий, поднял голову, словно услышав мой чирк. В темноте, при свете дальнего фонаря, я могла видеть силуэт его стилижно загеленного чуба, на ма-

нер лисьего носа.

– Эй, слышь? Тя как звать? Зажигалку сбрось, а?!

Сегодня я не слишком расположена вступать в дискуссии, поэтому просто молча бросила спичечный коробок вниз.

– А покурить есть? – не унимался Лисий Нос. Лисята поменьше захихикали.

«Больше всего мне сейчас хочется остаться одной, чтобы...» – мысль на мгновение повисла в воздухе, затем струйкой дыма медленно покинула мой рот и, выплыв в открытое окно, плавно влилась в общее озерцо дворового дыма. Я выбила из пачки половину папирос на подоконник, а саму пачку, где оставалось еще штуки три, злобно бросила вниз. «... Остаться одной, чтобы оказаться наедине с собой», – кто-то медленно разжевал эту тягучую мысль-тавтологию в моей голове. Кажется, в этом чаду я и соображаю, и действую медленно и плавно, сообразно движению потоков дыма.

Лисий нос радостно взвизгнул. Но, ловко поймав пачку и разглядев ее при свете фонаря, он с недоумением поднял голову вверх. Видно, понял, что перед ним простой «Беломорканал», а рассчитывал он, судя по всему, как минимум на «Парламент».

– Чё за штукня! Ты чё ваще?! В каком веке живешь?!

– Жесть! – поддержал его приятель.

– Слышь! А может, ты и сама к нам спрыгнешь? – школота явно вызывала меня на бой. – Посмотрим на это чудо!

Я поняла, что так просто мне от них не отделаться.

Неохотно поднялась, сняла очки, положив их на стол, встала на подоконнике в полный рост и, максимально накренившись в сторону улицы, – благо высоты я не боялась даже в детстве – расставила руки в стороны, собираясь полететь...

Странное состояние... Я не играла. Просто была не в себе. И они это почувствовали.

– Чё это она? – забеспокоился Лисий Нос.

– Без понятия... Обкурилась, небось. Уже бледного словила. Может, не надо этот «Беломор»? – предположил кто-то из темноты.

– Эй, ты! Слышь...

На вершине последней «ы» взволнованный Лисий голос сорвался, дав петуха, и я поняла, что Нос не на шутку перепугался. На несколько секунд голос пропал совсем, был только шепоток – лисята совещались. Потом Лисий Нос опять заговорил. Для пушей убедительности – за всех.

– Мне ваще как-то параллельно. Хочешь, прыгай, если хочешь...

Я стояла пластилиновой статуей, не шелохнувшись. Они притихли.

– Но меня как-то не втыкает. Кровяка на асфальте. Крыльев-то у тебя по любасу нет!

Вот уж не ожидала такой прозорливости. Пальцем в небо – а прав: сейчас я бескрыла как никогда...

Мой пластилин внезапно пообмяк и податливо стек с подоконника внутрь комнаты. Стараясь не слушать лисьих улю-

люканий и аплодисментов, – последние предназначались, без сомнения, Лисьему Носу, а не мне, – я, немедленно захлопнув окно, исчезла в комнате.

Не включая свет, нашла телефонную трубку и села на пол. Закрыла глаза – «Господи, помоги...» – и набрала номер. Вообще-то я, если честно, не так часто обращаюсь к Богу. Но сейчас не удержалась. Мне очень нужно услышать их...

Я вслушивалась в сигналы трубки с таким чувством, словно пыталась телепортироваться, как в «Матрице», на другой конец «провода», сама взять трубку и получить ответ на свой же вопрос – хотя бы таким обходным способом. Но в ответ лишь прогремел взрыв. Я вздрогнула...

Включился экран телевизора – наверное, я случайно нажала на лежащий на полу пульт. Громкость была включена на полную мощь. Я хотела выключить телек совсем, но, увидев на экране африканские лица, застыла, не успев выдохнуть. Там могут быть они!

– На данный момент нам известно о семидесяти четырёх жертвах этой трагедии, – прогремел в моих ушах голос диктора. – Первые теракты были осуществлены одновременно в ресторане и баре регбийного клуба на последних минутах финального матча чемпионата мира по футболу между сборными Испании и Голландии. И вот, две недели спустя, здесь прогремели еще два взрыва...

Среди раненых, которым оказывали первую помощь, на экране мелькнул белокожий пострадавший. У меня остано-

вилось сердце...

– Также официальный представитель правительства сообщил, что трагедия унесла жизни нескольких иностранцев. Среди них – белая женщина, один человек, похожий на индуса, и десять граждан Эфиопии или Эритреи...

На экране появился плачущий африканский мальчик с перебинтованной головой и окровавленной повязкой на глазу. Он бережно прижимал к себе беспородную псину – вероятно, единственное уцелевшее родное существо.

Эта новостная сводка сменилась следующей: о том, как в Городе М. кругом умирают люди, чье сердце не справляется с дымовой завесой над городом. Прямо «дымомор» какой-то.

Я выключила телевизор и, как в тумане, поднялась по лестнице в свою «нору».

Я долго обуючивала эту комнату на чердаке (что-то типа кабинета) – может, полгода, может, больше. На потолке – небо с предзакатными облаками, на полу – «пляж» на ковре с подогревом, есть даже электрический фонтанчик. Снобизм чистой воды – скажете вы – и будете правы. Но я не могла придушить в себе искушение занять дома собственного писающего мальчика – золотого ангелочка, – когда Гарик от чистого сердца притащил его ко мне домой (вечно он тащит сюда разные вещи). Феликс установил его в моей комнате, и мне вдруг показалось, что журчание струи успокаивает нервы. Но знаете что? Сейчас даже в обуоченной «норе» у меня

не было ощущения безопасности. Ни в «норе», ни в Городе М., ни в мире.

В комнате было темно и пахло слегка заболоченным аквариумом. Уже несколько дней мне было просто не до чего... Я опустила на ковер и застыла в оцепенении – как птица, привязанная за ногу...

Видела я однажды в метро девушку, у которой на руке сидел настоящий сокол. На привязи. Вы меня, конечно, пока не знаете, но могу заявить с уверенностью, что я совсем не похожа на какого-нибудь скинхеда. Но тут мне просто нереально захотелось им стать! И разгромить что-нибудь обязательно. Так было гнусно – видеть птицу на привязи.

...Я опустила на ковер. В одной руке у меня была телефонная трубка, в другой – всё ещё пульт. Через минуту я бессильно свалилась на пол, распятая между двумя беспроводными связями – телефоном и телеком. Обе казались мне в этот момент нелепыми обвесами – бесполезными изобретениями цивилизации. Я не швырнула их об стену только потому, что в этот момент раздался звонок в дверь...

Феликс был некстати как никогда. Если вы хотите представить себе моего МЧ как можно ярче, просто пересмотрите фильм «Беги, Лола, беги». Феликс – вылитый бойфренд Лолы. И уши у него торчат точно так же. Вообще я люблю трепать эту лопухость даже без именинного повода. Но сейчас... Мне было просто не до него.

– Ку-ку! – забасил он своим низким голосом и, ввалив-

шись в прихожую, нарушил мою темноту. – Ты чё полутёмничаешь? Забыла? Я ж темноты боюсь!

– Лися, не включай!

В глаза я называю его просто Лисей (волосы у него нежно-рыжие, как у лиса). «Феликс», мне кажется, звучит как-то слишком жестко. К тому же и фамилия у него не мягкая – Железнов. Услышав эту фамилию, дедушка, как всегда, отпустил прикол – окрестил Феликса Железякиным. В принципе это в точку: Железякин – гик еще тот, он как никто другой разбирается в компах и вообще, наверное, во всех железяках на свете.

Феликс включил свет. Я зажмурилась, а он, улучив момент во время моего ослепления, чмокнул меня в щеку и бесцеремонно, не разуваясь и не извиняясь за это, с огромной кучей каких-то коробок, прошлепал в гостиную. Вот зачем, скажите мне, заводите бойфрендов? Чтобы они натоптали у вас дома? Или чтобы, услышав вашу просьбу не включать свет, сразу поняли с полуслова, что вы хотите побыть в темноте, причем совсем одна? Я раздраженно вышла из комнаты и... Я хотела бы сказать «хлопнула дверью». Но тут мне придется пояснить, чтобы вы представили моё жилище в деталях.

Мне бы очень хотелось взять и выложить вам тут всё сразу – самую суть. И я с трудом преодолеваю свою нервенность. Но как говорит мой дедушка: «Ты всегда бежишь впереди паровоза». Да, мне нужно научиться не торопиться, поэтому

и вы немного потерпите. А еще он любит говорить: «В деталях – Бог». И, возможно, именно его немецкая кровь начинает навязывать мне занудную традицию – разложить всё по полочкам. Есть одна деталь – очень важная в моем доме.

С межкомнатными дверями у меня в квартире не очень. Из прихожей в гостиную ведет арочный проем. Из гостиной в кухню – точно такой же проем, зеркально отражающий первый. На втором этаже, над кухней, – моё пространство, которое я называю просто – «нора»: кабинет, примыкающая к нему крошечная спальня, а к ней в свою очередь примыкает душевая (места для ванны в ней не хватило). В обе эти смежные комнаты можно войти с портика, которым продолжается лестница – и ни там, ни там, опять же, дверей нет. А есть лишь легкие белые занавески, в легкомысленную мелкую ромашку. Я не очень люблю замкнутые пространства. И это была моя идея дизайна квартиры, которую поддержала мама.

Конечно, в верхней душевой и нижней ванной двери есть. Но если вы будете хлопать именно ими – вряд ли ваш бойфренд поймет это правильно. В лучшем случае он подумает, что вы пошли по нужде.

Единственная дверь в нашей квартире, которая ведет в комнату, – в спальне родителей. Она тоже расположена на втором этаже, но не над кухней, а в противоположной стороне от гостиной – над прихожей. Над гостиной же – родители мои, челы не без фантазии, потолок, ведущий на чердак,

разрушили совсем, поэтому тут он получился высоченным. Эта огромная комната делит квартиру на два крыла: северное и южное. Родителям достался «юг», потому что я взяла себе «север». Вот такая ориентация.

А теперь та самая важная деталь. Родительская комната уже давно заперта на ключ. Но не папой, который трепетно относится к своим японским гравюрам, циновкам из рисовой соломки и коллекции восточных чаев с посудой для чайной церемонии. И не мамой, которая, возможно, действительно расстроилась бы, узнав, что ее дочь проводит время со своим бойфрендом на их широченной низкой кровати из черного дерева. Эта дверь заперта на ключ мною. Потому что я бы не очень хотела, чтобы мои друзья во время наших пати захаживали туда, даже просто сидели на этих циновках, пусть ничего и не трогая. В комнате какой-то особенный дух, и я хочу, чтобы это пространство осталось только нашим – семейным.

Даже моя «нора» – это вроде моё-моё, и я не пускаю туда кого ни попадя. Но Феликса пускаю, а еще деда, ну и парочку друзей иногда. А в ту комнату нет. Никогда. Может быть, я пустила бы переночевать туда дедушку, если бы он оставался у меня. Но дедушка всегда уезжает к себе. Поэтому сейчас – это только мой дом.

Итак, я хотя бы мысленно хлопнула дверью, пытаюсь уединиться на кухне, в надежде успокоить свои нервы чередой суетливых движений. На обеденном столе лежала свежая га-

зета со статьей на первой полосе о теракте в Африке. И стояла сахарница. Я хотела расчистить стол и зачем-то убрала сахарницу и газету в холодильник.

Феликс вошел, бросил коробки на стол, посмотрел на меня сочувствующе и сказал:

– Всё наладится, – потом устало плюхнулся на диван-уголок. Тут он вспомнил, что не разулся, поспешно стянул с себя ботинки, бросив их под стол, и залез на диван с ногами. – Садись! Покажу, что мне удалось добыть. – И скорчил, как он любит выражаться, «funny face».

Сейчас его джим-кэрривские ужимки меня просто раздражали. Но я сжала зубы, вздохнула и, просто чтобы отвлечь себя от дурных мыслей, тоже залезла на диван.

Феликс стал открывать коробки и жестом фокусника доставать из них какие-то белые матерчатые мешочки. В мешках прятались никелированные смесители.

– Вашему вниманию предлагаются – суперкранЫ! Всю сеть облазил. Взял тебе на выбор. Как тебе такой кранчик? – продолжал свою комедию мой кулхацкер, выражением лица намекая на неоднозначную символичность крана.

– Мне не до кранов сейчас, ты же знаешь, – сказала я, пока терпеливо. – Пусть хоть потоп на кухне будет...

– Потопа не будет! – не унимался Феликс. – Вас спасет супергерой Ной! – Феликс поклонился. – Напоминаю, у вас всегда есть выбор!

Уже жестом профессионального рекламщика он срывал с

кранов белые чехлы.

Он вполне мог бы стать звездой комеди-клуба и зарабатывать своим обаянием, участвуя в стенд-апах. Если бы умел складно говорить. Но Феликс технарь чистой воды. Вы спросите, что я тогда делаю с ним, имея за спиной два высших гуманитарных: ну, типа, вам поговорить есть о чем? Есть, не переживайте. Во-первых, он служил в армии. И за это я его уважаю. В смысле, не только за это. Он имеет кучу технических знаний, в которых я еще в школе заблудилась, да так и не выбралась. Так что он меня уже на две головы выше. Даже на три, потому что у Феликса разряд по кик-боксингу.

Короче, он жутко умный, в этом году закончил Бауманку. И теперь, ошастливленный волшебной бумажкой, – та-та-там, внимание! – не пошел в отрыв, не устроил себе отдых, не уехал в Индию и не мается кризисом «чем-же-мне-заняться-дальше». Он просто занимается тем, что любил все эти годы, – целыми днями копается в «железе» своих родных и знакомых, решая их проблемы с настырным удовольствием. Короче, в офисе не пашет, а работает сам по себе. Да, забыла: он также чинит компы не только своим – уже за деньги, но недорого. Так что обращайтесь. Ну, а краны – это так, хобби.

– Прошу также обратить внимание на упаковку!

Феликс расправил белые упаковочные мешочки на веревках, демонстративно нюхая их.

– Теперь у вас есть дополнительная пара белых носков! На

веревочках. Ой, простите, носков в паре оказалось трое, – но Феликс сразу нашелся. – Лишний мешок предлагаю использовать в качестве марлевой повязки в условиях сильного задымления!

Я выдавила из себя беспомощную улыбку. Меня достал этот цирк.

– Железякин... Ты извини. Лучше уйди сейчас, а?

Я злуще так посмотрела на него. Он застыл на пару секунд.

– Ладно, понял. Уже ухожу, – Феликс встал. – Ты сейчас нервная. К тебе не подходи. Какой тебе всё-таки нравится?

Стоит со смесителями в руках, смотрит на меня глазами такими наивными, как у ребенка. Разве такого выгонишь...

– Без разницы.

Феликс кладет мне руку на плечо. Неуклюже так, словно не знает, с какого бока ко мне подойти, чтобы я не оттолкнула.

– Они найдутся. Вот увидишь! С ними точно ничего не случилось. Я ж ясновидящий! Или яснознающий... А хочешь, я тебя замуж возьму?

Тут я схватила со стола чашку и как грохну ее об пол! Она так и разлетелась вдребезги. В другое время его «предложение» меня бы просто улыбнуло. А сейчас я взорвалась. Феликс всё делает «про между прочим»: ласковые слова вскользь, поцелуи по привычке (что может быть омерзительнее?).

Я убежала в гостиную, на диван, разревелась там, как дурра. Но не из-за замужества, конечно... Вообще я терпеть ненавижу реветь на людях. Разве только при бабушке. Но он не считается.

– Вали отсюда!

Уходя, Феликс, наверное, решил меня рассмешить. Схватив в охапку ботинки и надевая их уже в прихожей, он взял всю вину на себя.

– Знаешь, я сам виноват, что довел тебя до слез! – Феликс хлопнул себя по лбу. – Носки должны были быть разными! – Он помахал оставшимся белым мешочком, а потом постукивал пальцем по своему лбу. – Один левый, другой правый... Старый дурак...

– Ёк-дык-тыг-дык! – я не могла не выругаться. Матом. Последнее время меня так клинит, что я стала ужасной матерщинницей. (Боже, слово-то какое – радость филолога! Матерщинница.)

Мат совершенно никак не коррелирует с моим образом: вроде вся такая правильная девочка из интеллигентной семьи, и тут на тебе! Это одна из моих дурных привычек, которая подводила меня не раз. Но избавляться от этого сейчас – ну, до того мне? Поэтому давайте так, у нас тут, типа, цензура, и, чтобы мне постоянно не ставить «ППП», как в телеке, мне придется время от времени писать здесь всякие «ё-словечки». Но когда вы будете их тут встречать, переводите сами – вы ж люди грамотные – на выразительный язык

отборного мата.

В Феликса полетела лежавшая на диване недочитанная книжка – не книга, а целый «кирпич», тяжелая. «Кирпич» перелетел гостиную, вылетел в прихожую и попал в мое же отражение – на зеркальной дверце шкафа. Зеркало не разбилось, но треснуло...

Из прихожей донеслось бормотание Феликса.

– Ладно. Держись тут. До завтра.

Входная дверь грохнула – то ли обиженно, то ли подбадривающее, и я наконец осталась одна.

Я вышла в прихожую, чтобы запереть входную дверь. Подняла с пола книжку. Это был «Бойцовский клуб» Чака Паланика. Не помню, откуда она у меня. Ах, да, Гарик подарил как-то. Вечно он тащит ко мне, по его словам, «крышеснос».

Я взглянула в зеркало. В полутьме я напоминала тень – только очки поблескивали отражающимся в них светом гостинного торшера. Зеркало делила длинная вертикальная трещина. Я надавила на нее пальцем, и она быстро поползла вниз, легко, словно анисовую травинку, разрезав мое отражение на две почти равные части.

Оставшись одна, я поревела как следует, потом зло вставила себе градусник под мышку (мне казалось, что я вся горю) и уселась думать о том, что же произошло. Мне вообще удастся сегодня сосредоточиться?! Зазвонил городской телефон. По-видимому, не удастся... Но я ждала звонка, поэтому сразу бросилась к трубке. Поймав на лету выпавший

градусник, я схватила трубку.

– Алло! Алло! – хрипло заорала я.

– Тьфу ты! – зазвучал в трубке недоуменный дедушкин голос. – Да не кричи ты так! Это я. Есть новости?

– Нет, – произнесла я сдавленно. – А у тебя?

Дедушка в трубке насторожился и, конечно, выпрямился. Он всегда следит за осанкой. Его любимый фильм «Офицеры». Тут я бы опять сделала вам своеобразный «имаджинейшн спойлер» (imagination spoiler), давайте его так назовём: чтобы вы даже не пытались представлять себе моего деда таким, каким вам вздумается, я скажу, что он похож на покойного актера Пороховщикова. Вылитый. Только дедушка – не актер, а бывший военный хирург. Но по специальности он давно не работает, а имеет прямое отношение к кино. Кино – это его большая страсть. Он и меня с детства кормил только этим: никаких парков-аттракционов, никаких зоопарков – кино, кино, кино... Его постоянно приглашают в качестве медэксперта на разные кинопроекты. Большой человек, практически зав небом.

– Внуча, ты что, плакала?

Иногда такое ощущение, что мой дед видит сквозь стены. Может, он поставил себе «видеоняню» (так, кажется, называется, эта штука, чтобы следить за детьми из другой комнаты)? Но он сидит на даче, а я в Городе М. К тому же я далеко не ребенок.

Я немедленно вытерла щеки ладонью. Но дед уже начал

кипятиться.

– Панихиду уже справила? Навыдумывала себе всякой чертовщины! – сердиться дед начинает легко. И в этом я в него. – Да если бы хоть один из наших пострадал, мы бы это первыми узнали...

Я перед экзаменами так не мечусь по коридору, как сейчас по гостиной – туда, обратно...

– Деда! И выдумывать ничего не надо! Как Шамиль летом из Австрии вернулся, разве не помнишь?! В гробу цинковом! «Дипломатическая командировка»! Хоть кто-нибудь в новостях это осветил?! Будут тебе устраивать международный скандал...

Это была чистая правда. Наш хороший знакомый Шамиль так и не вернулся из заграничной командировки. И никто не объяснил его родным, что же произошло. А потом пришел гроб. Цинковый.

А два года назад, еще на пятом курсе, мой одноклассник Саша Левин... Просто пошел утром в универ и пропал. И там его не видели, и вообще нигде. Все в группе считали его укурком, но я-то знаю, что он не такой. Он рубил в мобилах как бог и мне одну шахматную игрушку поставил, просто шикарную, чтобы я не страдала на психологии. Короче, нормальный был парень. Жаль его...

Люди исчезают, и никто ничего не может объяснить... Вот я и поперхнулась на слове «скандал», закашлялась. А может быть, просто от смога.

– Ты совсем не умеешь ждать! – дедушка был, как всегда, прав. Чего не умею, того не умею. – Завтра я буду звонить в посольство.

Пытаясь откашляться, я прислонилась спиной к книжной полке. Вынула из подмышки градусник и всё-таки решила взглянуть: сколько же у меня там «натикало». На улице жара – просто в Африку не езди, а у меня жар вздумал... Тридцать девять и два...

– Это я во всем виновата... – почти бредила я дедушке в трубку.

– Что? Опять, как тогда? Опять за старое?! – почти ласково проорал дедушка.

Я ловила градусник – ну в кого у меня руки крюки?! – и случайно толкнула локтем стопку книг. С полки посыпались книжки и фотоальбомы, сбивая с ног африканских слонов, пузатых негрятят из черного дерева и прочую мишуру.

– Да, да, – бормотала я, собирая выпавшие из альбома фотографии, – это я его убила... И теперь...

– Да что ты о себе возомнила?! – кажется, дедушка не на шутку рассердился. – Вершительница судеб! Ты что, совсем спятила?!

– Деда, тебе нужны доказательства?!

Тут из одного альбома высыпался целый ворох каких-то фотографий.

Это были не просто фото. Это были вещдоки! На них мне было лет тринадцать – четырнадцать. На одних я была с бра-

том-близнецом, на других рядом со мной улыбалась сестра-близнец.

– Деда... Я перезвоню...

Ночь была бесконечная... Я сидела на подоконнике, у открытого окна, и было такое ощущение, что сейчас мне «откроется». Я схватилась за вещдоки, как утопающий за обламывающуюся кромку льда. Фотографии были рассыпаны по подоконнику, по столу, по полу. Я усиленно думала. Когда же всё началось?

Опять пыталась разгадать головоломку, раскладывая пасьянс из фотографий: фотоколлаж, фотомонтаж, фотопутешествия, фотосумасшествия... Хм, а ведь действительно, качественно сделанные монтажи!

То, что происходило со мной в последнее время, казалось мне сейчас бессмысленным. Всё, кроме этих фотомонтажей. Теперь лишь они были для меня реальной жизнью...

А реальную жизнь я когда-то превратила в иллюзию. Вот тут я совсем маленькая, тут я с мальчиком, который старше меня на десять лет. Я не хочу сейчас думать о нем. Я не любила реальность. И теперь она отплатила мне...

Эти фото были сделаны, когда мои родители стали появляться в Городе М. всё реже. Они чаще работали и, соответственно, жили где-нибудь в Африке или Индонезии. И фотомонтажи были очень даже не случайными.

Я бы могла вам сейчас рассказать о том, что в эту ночь я встретила кое-кого и что если бы не эта встреча, то я бы

ни капельки не изменилась. Возможно, я б осталась той серой мышью, которой всегда была (или хотела быть!). Но... я не могу вот так взять и всё выложить разом. Открыться первому встречному. Мне сначала нужно привыкнуть к вам. Подойти поближе. Ясно прекрасно, вы ничего про меня не поймёте! Все люди – себялюбцы. Но если хотите понять – хоть чуть-чуть, хоть самую малость, – поживите недолго в моей коже...

Если бы я могла показать вам всё это как фильм, у нас не ушло бы и десяти минут на эту нарезку в качестве начала. Например, как в первых сценах «Амели» (вот папа, вот мама и вот вся эта нудятина из детства, которая на меня повлияла), а я бы просто сидела и водила по экрану лазерной указкой. А может быть, я уже живу внутри какого-то клипа, срежиссированного... вами?

Всегда кажется, что с тобой не может произойти ничего страшного. А если оно вдруг происходит, то просто невыносимо как хочется отмотать это кино назад и сделать «Cut» – вырезать монтажом всё прошлое и начать свой фильм заново. Но не в смысле – опять писаться, ходить в детский сад и скучать на химии в школе. А просто быть здесь и сейчас без всяких мыслей о прошлом. Как-то так.

В туманной дымке лучики огней города растворяются, как сгущенка в чае. Потоки воздуха от шуршащего вентилятора ритмично приподнимают подол моего домашнего сарафана. Он игриво танцует на моих коленях, а я периодически ловлю его за край и стираю им капельки пота со лба. Вентилятор мотает из стороны в сторону пропеллером, заключенным в клетку и словно пытающимся оттуда сбежать – взмыть над городом М., полететь над молочной дымкой выше, выше – туда, где ты свободен, туда, где свободен сам город, где дым уже не властен над ним.

Прищурившись, я смотрю на город сквозь ресницы, потом широко открываю глаза – эффект тот же. Сфуматированные крыши города плывут куда-то против движения ветра. Нужен ветер по сильнее, чтобы раздуть дым. Сижу, обхватив колени и плечи руками. Я прошу о ветре...

Я живу на последнем этаже, по нынешним меркам, не слишком высокого дома, которому в обед сто лет. Буквально. Но эту древность я бы не променяла ни на какие высоты новостроек. В своей норе на чердачке, на пятом с половиной этаже, я вроде должна была бы чувствовать себя немножко ближе к небу, выпросить в подарок у деда телескоп и считать звезды. Но нет. Я больше люблю сидеть здесь – у огромного окна в гостиной и пялиться во двор. Смотреть на небо

в Городе М. – не имеет смысла. Тут оно никогда не бывает тёмным, как на даче, и звёзд здесь почти не видно. По крайней мере из моего окна небо всегда выглядит слишком светлым, ослепленным городскими огнями. Единственную звезду, которую хорошо отсюда видно, можно пересчитать одним пальцем – это кремлевская. Интересно, можно ли на нее ориентироваться, если заблудился или просто оказался в каком-нибудь жизненном тупике?

Я не спала несколько ночей, потеряла интерес к своей любимой пиццерии и сделала столько звонков по всем госинстанциям, в надежде, что они помогут мне найти родителей, что, кажется, уже продавила намертво кнопки своего домашнего телефона 495..., 495..., 495... Если у меня будет сотрясение мозга и всю мою память сотрет напрочь, единственное, что я буду помнить, – телефонный код Города М. Писклявые переборы в трубке стали моим гимном, а фразы на режиме ожидания – моим новым «Отче наш...». Номера разные, но из-за кода такое ощущение, что я звоню одному и тому же абоненту. Я даже представила себе на другом конце трубки такую огромную грудастую тётку – пробивную и горластую. Звали бы её как-нибудь... Москва Владимировна, допустим. А что, прекрасное женское имя.

От дыма мое сознание теряет ясность. Открываю новую пачку «Прима Ностальгия» с портретом Сталина. Это тоже подарок Гарика. Может, прежде чем идти ко мне на день рождения, он грабанул лавку древностей? Если честно, я не

собиралась начинать курить. Думала, пригодится для коллекции, и дедушку хотя бы порадую. Но тут решила открыть. Может, это поможет уйти в прошлое.

Забираюсь на диван и пальцами надавливаю на виски. Увидев своё отражение в зеркале в прихожей, я откладываю сигарету, тушу ее. Даже отсюда видна зловещая трещина, словно ланцетом разрезавшая меня на две половины.

В комнате горит свеча. Но странное дело: возможно, из-за того, что дымно сейчас не только на улице, но и в квартире, вокруг свечи вместо ареола света расплывается какое-то странное тёмное, чернильное пятно. Свеча не освещает пространство, а наоборот, скрадывает его...

Мне вдруг подумалось, что эта темнота просочилась сюда из зазеркалья... Сегодня вечером мои страхи лезут наружу. Быть может, они лезут как раз из этой трещины? Мне хочется отмотать это чертово кино назад. Джик-джик! (Я с силой опять надавливаю на голову, пытаюсь пальцами прощупать мозг.) Отмотать назад, чтобы пересмотреть свою жизнь снова. В 3D. В четыре дэ. Пять дэ. Шесть дэ. И тэдэ...

Дамы и господа! Добро пожаловать в сверхсовременный кинотеатр, моделирующий ваше подсознание. Занимайте места согласно купленным билетам. У вас есть уникальная возможность выбрать и просмотреть любой фрагмент вашей жизни, причем со спецэффектами запахов, а также вкусовых и тактильных ощущений.

Ёвклидова-геометрия! Кажется, я перестаралась с масса-

жем мозга... К какому моменту отматывать запись-то? Может быть, сюда?

Чтоб не переборщить, я осторожно (или трусливо) отматываю память всего на один день.

Сегодняшнее утро. С папкой под мышкой иду по переулку. Мимо меня вяло ползут пешеходы – каждый третий в марлевой повязке. Машины пробираются сквозь дым с включенными противотуманными фарами. Направляюсь в посольство Кот-д'Ивуар, тороплюсь. Кажется, ничего не забыла: паспорт, загранпаспорт, фотографии...

Вдруг одной пожилой женщине, без повязки, становится плохо. К ней подходят двое других, подхватывая ее и усаживая прямо на тротуар.

– Сердце...

– Звоните в «скорую»!

– Что же вы без повязки?

– У меня валидол есть с собой. Возьмите.

Я опаздываю, поэтому, когда понимаю, что старушке помогут, вздыхаю с облегчением. Нет, не так. Не только потому, что тороплюсь. Еще в детстве я не любила играть в доктора. При этом я не боюсь крови, у меня нет брезгливости к гнойным ранам. Я вообще спокойно присутствовала на вскрытии трупа в седьмом классе, когда папа взял меня с собой. И он, и мама надеялись, что я тоже стану врачом. А я решила еще раньше, не помню когда: по стопам своих роди-

телей я не пойду. Не хочу быть такой, как они.

Оглядываюсь на старушку, переходя дорогу. И слышу скрежет тормозов! Твою мышь! За рулем квадратного серебристого джипа-гелендвагена, который то ли за форму, то ли за хай-тэк цвет в народе ласково называют «холодильником», сидит какая-то наглая рыжая девушка (ярко-рыжая, Феликс по сравнению с ней – просто блондин!). Прёт как танк, а я тороплюсь. Она открывает окошко:

– Вы в порядке?

– Противотуманки включи, если не видишь!

– Так это ж вы на красный!

Я смотрю на светофор – действительно. Но я даже извиниться не успела. Она, довольная, что оказалась права, поехала дальше – наверное, к своему папочке, совместный бизнес строить.

Подхожу к зданию посольства, возле которого стоят темнокожие охранники в форме, вхожу внутрь.

В холле людей толпится – тьма тьмуца! И все модные атрибуты последних трех лет: веера, брызгалки. Люди, как машины, не перестают махать веерами уже на автомате, даже тут – при адски холодном кондишене.

Рядом со мной стоит какой-то парень, русский, с дредами, длинный такой. Мы разговорились с ним. Оказалось, он повернут на регги. Кто бы сомневался!

– Нет, сегодня вряд ли, – наклоняется ко мне дредатый. – Если бы два дня назад, то другое дело. Вы ж видели в ново-

стях, что там творится...

– Но у меня там родители! – возмущаюсь я. – Меня должны пустить. Я не могу до них дозвониться...

Дредатый присвистывает, придвигается ко мне ближе и переходит на «ты».

– Родители?! Тогда точно завернут! Лучше что-нибудь сочини для отмазки. – Он думает пару секунд. – Я еду туда на встречу фэнов регги. Хочешь, типа, со мной?

Я кошусь на его лохматые дреды, потом свои волосы, прямёшенькие как конская грива.

– Нет, спасибо... – произношу неуверенно. – Бред какой-то! У меня родители там на звонки не отвечают. Ни по домашнему, ни по рабочему, ни по какому. А тут теракт...

Парень со спокойным видом пожимает плечами.

– Был тут один. Только что вышел. Так у него там матушка на конференции... – Он мотает головой. – Не дали визу. Родственников стараются в таких случаях не пускать. Тем более, сегодня *эта* принимает.

Парень кивает на темнокожую тётку, сидящую за окошком приема документов. Судя по неприступной мине, она бы вполне могла сыграть темнокожего робота-полицейского. Тетенька-робот внимательно изучает чей-то паспорт, затем скрупулезно сверлит глазами его владельца.

– Эта каждого второго заворачивает, – поясняет мне на ухо дредатый.

Ёперный посол! Он начинает меня нервировать. Точнее,

если разобраться, то она. Поэтому я подхожу к окошку, где сидит тетенька-робот, и обращаюсь к ней чуть ли не со слезами.

– Девушка, мне очень нужна виза! Я еду... на конференцию. Медич... – тут осекаюсь, – по проблемам йоги!

Тётка удивленно поднимает брови – внимательно смотрит на меня. Потом говорит почти без акцента.

– Да что вы говорите! А у йогов есть проблемы?

Вот тебе и йога-камасутра! Зачем я только сказала ей про йогу, лучше бы медицинская конференция! Ага, а вдруг она медицинский диплом потребует? Я буду оправдываться, что у меня родители медики там. Ну, и не пустят. А ведь мне как раз к ним и надо!

– Я понимаю, все эти события... но мне очень нужно! – продолжаю умолять.

Тётка – ну точно робот! – антиэмоционально выдерживает паузу и спокойно произносит:

– Вы вот йогой занимаетесь, а я тоже йогой занималась. Покажите мне «позу горы»!

Если честно, я никакой «позы горы» не знаю. Может, она выдумала ее? Я вообще йогой только три недели занималась, когда мы в Индии были. И то названия там – язык сломаешь – все по-индийски. А тут – «позу горы» ей подавай... Смотрю в недоумении на нее, затем на стоящих в очереди.

– Но... тут же люди! – говорю с негодованием. Словно это единственная причина, по которой я не хочу делать позу.

Безжалостная тетенька за окошком пожимает плечами.

– Откуда мне знать, что вы говорите правду?

Я молчу в смятении, нервно постукиваю ладонью по своей папке с документами, лежащей на стойке перед окошком.

– Вы хотите получить визу? – не понимает она.

– Понимаете, йога, – я ж вроде русская, а русские не сдаются! – Это ведь не только позы, – тут я права абсолютно. – Ее основная идея совсем не в этом...

А тетенька просто рогом встала: «"Поза горы" – или вы не йог!»

– Главное – это внутреннее состояние, – продолжаю мямлить я. – Йога – это философия...

Тут тетенька-робот прямо в азарт вошла. Наверное, недавно закончила курсы для роботов, по изощренному сатанизму. Как рывкнет:

– Девушка, в последний раз спрашиваю – вы хотите получить визу?

Вот ни единого слова не привираю! Так было сегодня. Я растерянно снимаю очки, беру папку, медленно отхожу от стойки. На меня устремлено множество сочувствующих глаз. Парень с дредами качает головой: мол, я же говорил. Блджад...

Я бросаю папку на пол. Скорее обреченно, чем отчаянно-залихватски. И выдыхаю:

– Йога!

Я становлюсь головой на папку. Становиться на голову нас

учили на физре еще в шестом классе. Тетенька-робот, перевернутая для меня вверх тормашками, чуть не вылезла из своего окошка от удивления. А зубы, белые-пребелые, прямо над ее темным носом, так и клацнули.

Тут бы мне написать: «Пораженная моим неистовым напором и находчивостью, неподкупная страж порядка всё-таки сдалась и тут же выписала мне визу».

Ага. Щаз! Бежит и волосы назад. Через пару секунд я рухнула на пол. И никакой визы мне не дали. Политика...

Этот Город не отпускал меня. Он не боялся, что я возненавижу его. Или прокляну. Или просто навсегда забуду его имя. Город М. равнодушно и холодно, сквозь адскую жару и inferнальный дым, испытывал меня на прочность.

Я решила пойти в обход: полететь в Ямусукро через какую-нибудь третью страну, где не требуется виза. А уже на месте, на таможне, прикинуться дурочкой, рассказать про клинику – там ее все знают. План, конечно, не очень, но другого мне в голову пока не приходило.

Сориентировавшись по ценам на авиабилеты, я поняла, что денег у меня на карте столько нет. Просить у дедушки – но он считает меня паникёршей, а значит, будет отговаривать лететь к родителям, настаивая на том, чтобы я подождала. Занять у Феликса – вариант еще хуже, так как он паникёр еще побольше моего.

Я порылась на полках: небольшой сервиз – мамино фамильное серебро – его, конечно, жаль, но это как раз то, что мне поможет попасть к маме и папе. Однако за последние месяцы серебро настолько почернело, что мне понадобилось часа два на то, чтобы при помощи зубного порошка, как всегда делала мама, реанимировать цвет сахарницы и молочника и заставить поднос сиять до блеска. Зато потом, смотрясь в него, как в зеркало, я подправила макияж и уже через пят-

надцать минут была в Большом Афанасьевском.

Отдышавшись после быстрой ходьбы при таком задымлении, я нашла знакомый уже ломбард. Недавно, когда у бабушки была полукруглая дата, у меня было совсем плохо с финансами. Пришлось побродить по староарбатским ломбардам – сдать одну золотую вещь и занять денег ровно столько, чтобы хватило на достойный подарок деду. Стыдно признаться, но этой вещью была золотая челюсть из пяти зубов, которая принадлежала как раз бабушке (до того, как он сделал себе нормальные зубы). И вроде в этом нет ничего криминального – не украли же я это золото! – челюсть мне отдала мама, что-то вроде семейной реликвии, на память. А тут получается, что я мало того, что семейную память разбазариваю, да еще и деду вроде как его же челюсть и возвращаю, только в трансформированном виде.

Но я решила на эту тему особо не загоняться, а оправдаться тем, что купить ему дорожущий коньяк «Курвуазье ХО» (35-летней выдержки), с таким пожеланием, что, мол, вот тебе, дед, напиток, который сделает тебя ровно в два раза моложе. Так я и сделала, тем самым доведя уже до полной буквализации круговорот вещей в природе: то, что у него изо рта ушло, в его рот теперь и вернулось. Точнее, коньяк дед пока приберег, оставив его в моей квартире.

Сейчас мне опять удалось раздобыть в ломбарде ровно ту сумму, которой недоставало на билеты. Это меня немного воодушевило.

Вернувшись домой, я нашла в интернете как минимум три недорогих варианта «на перекладных». Но как только я стала вбивать свои паспортные данные, система дала мне отказ. Европа-Азия! Глазам своим не могу поверить: срок моего загранника истекает завтра! Полный провал! Почувствовав, что я задыхаюсь – и вовсе не от дыма, – я засунула голову под фонтанчик в моей комнате, чтобы хоть как-то опомниться. Почему тетенька-робот мне об этом не сказала?

Я не могла полететь к ним сейчас. Город М. всё туже сжимал вокруг меня кольцо своих объятий. Не отпускал именно тогда, когда мне это было особенно нужно. Когда было необходимо улететь отсюда, чтобы найти их. Или, не найдя их, – сбежать куда подальше.

#

Уже больше восьми дней я не могла дозвониться до них. До своих нерадивых родителей. Мы созванивались несколько раз в неделю. В основном звонила я. А сейчас... Ну, хорошо. Допустим, труба села, уоки-токи сломалась (это у них радио-рация такая – по клинике бегать), а городской у них – только на ресепшн, и офис-менеджер решила срочно выйти замуж и свалить из страны. Но. Вы ж видите, что ребенок ваш не звонит уже три дня – позвоните ему сами!

У нормальных людей всё наоборот. Предки беспокоятся, трезвонят без конца, а детишки ведут себя безалаберно. За

моими же – нужен глаз да глаз. Они ж к жизни не приспособлены абсолютно! Всё, что было у них тут в России, продали, организовали медицинский благотворительный фонд «МСФ-А» (Medical Charitable Foundation for Help in Asia and Africa). Фонд это совсем небольшой, но какими-то титаническими усилиями мои родители открыли уже две с половиной клиники (две в Африке и одну вот-вот в Индонезии – ждут поступления грантов).

Их гардероб ограничивается тремя парами белых халатов (а куда им ходить!), двумя сотнями пар бахил и неисчислимым количеством резиновых перчаток, которые они меняют, как пикаперы девушек. Их автомобиль не блещет новизной, но зато с сиреной и мигалкой (в московских пробках такое бы любому пригодилось!). Они могут не есть по двое суток, когда во время эпидемий или стихийных бедствий необходимо делать одну операцию за другой. И кто, по-вашему, при таком спартанском раскладе должен за ними следить?! Да я с тринадцати лет звоню и напоминаю им о том, что нужно не забыть поесть, уволить загулявшую секретутку или сходить в парикмахерскую в конце месяца.

Еще весной я не была уверена, помнят ли они, где и на каком курсе я училась в тот момент (по крайней мере, когда я училась в школе, классы они путали). Такие у меня родители – что теперь...

– Хватить усыновлять собственных родителей! – не раз говорил мне дедушка. – Тебе надо отпустить их. У них своя

жизнь.

Что значит отпустить? Я что, липучка? Я вообще никому о них не рассказываю. И даже более. Рассказываю совсем о других родителях. Но об этом потом. Всю эту нудную историю о реальных маме и папе я сейчас пересказываю только к тому, чтобы объяснить своё состояние – почему меня трясло. Да потому! Когда мы не могли связаться друг с другом больше недели (чего раньше вообще никогда не было), – вдруг передали о взрыве в Ямусукро... Две африканские клиники, которые курируют мои мама и папа, – как раз в Ямусукро и Аддис-Абебе. В момент взрыва родители могли находиться где угодно...

Поэтому, когда мне отказали в посольстве, я хотела просто задушить эту тетеньку-робота. Отказать в визе даже после моей клоунской попытки встать на голову! Тводжу мат... Дредатый меня вовремя оттащил от окошка. А то не знаю, что было бы...

Вообще-то, если начистоту, ничего бы я с этой тёткой не сделала. Да и с девочкой, у которой птица на привязи. Хотя очень хотелось. Внутри я даю себе волю и за острым словом в карман не лезу. В своей голове я просто «brave heart». А в жизни...

Но если вы думаете, что сегодня, после моего позорного провала в посольстве, я сдалась, то вы меня не знаете. День был длинный. Я решила во что бы то ни стало узнать, живы ли мои родители и где они находятся. И отправилась... к эзотерическому эксперту.

Посидев с четверть часа в интернете и потом еще полчаса на телефоне, я нашла и обзвонила около десятка ясновидящих, колдующих и привораживающих тёток и даже одного дядьку. Особого доверия они мне не внушали, и всё же мужчина, назвавший себя «эзотерическим экспертом по тонко-плановым делам», наверное, показался мне более убедительным. К тому же его офис находится совсем недалеко от моего дома.

У меня оставались деньги, которые я собиралась потратить на поездку к родителям, и, раз к ним слетать не довелось, я решила немного потратиться. У меня никогда не было подобных консультаций. Я даже к астрологу или там к хироманту никогда не заглядывала. Но душа у меня сейчас

не просто ныла, а выла по-волчьи. Ведь с родителями могло произойти самое ужасное...

И вот я сижу в кресле, в консультационном кабинете. Передо мной за столом сидит эксперт, мужчина средних лет, «интеллигентной наружности», в очках. Глаза закрыты, лицо выражает сосредоточенность. Мне прямо ущипнуть его захотелось. Или запищать. Но я сдержалась.

Сижу, рассматриваю обстановку кабинета: массажный стол в глубине комнаты, портреты Христа и индийских посвященных – всего намешано. На письменном столе – каменные яйца и большие песочные часы. Песок в них течет медленно, как на рапиде в кино... Долго он еще будет сосредотачиваться?

– Я вижу, – медленно, не открывая глаз, произносит эксперт, – две сущности. Чистые, самоотверженные. Они очень близко друг к другу...

Я вскакиваю от нетерпения.

– Это они! Мои родители! – меня даже залихорадило малость. – Где, где они находятся?

Эксперт открывает глаза и смотрит на меня несколько раздраженно.

– Дело в том, что я вижу сущностей – а не их физическую оболочку.

У меня брови подскочили от удивления: вот уж не ожидала, что моих маму и папу назовут «физическим оболочками»! Он что, работал технологом на карамельной фабрике?

Или прогнозировал в погодном бюро атмосферные осадки?

– Поэтому сложно указать точное географическое местоположение...

– Ну... они хотя бы живы?

Эксперт зачем-то переворачивает песочные часы, хотя песок еще не успел пересыпаться до конца – словно мое время закончилось. Затем он берет со стола роскошный веер с Девой Марией на нем. За три года я, конечно, уже могла и привыкнуть, но, по-моему, даже в жуткую жару мужик, обмахивающийся веером, выглядит нелепо.

– Дело в том, что сущности всегда живы, – пространно продолжает он, собираясь с мыслями. – Можно сказать, что это... души!

Ёвровалюта! Стоило ли тратить кучу денег, чтобы услышать это?! Я смотрю на дверь и думаю, как бы мне лучше уйти, чтобы это не выглядело слишком невежливо.

– Дело в том, что эти две сущности – очень близкие вам, но это... не ваши родители...

Эксперт берет веер в другую руку, перевернув его, и я вижу, что на другой стороне веера уже не Дева Мария, а Боб Марли. Я всё-таки решаю остаться и дослушать. Ну сегодня и денек – богат на неадекват!

– В это трудно поверить, – эксперт явно замечает мой полный недоверия взгляд. – Но это... вы сами. – Он делает паузу, чтобы насладиться произведенным на меня впечатлением. – Понимаете, у вас две душевные сущности. Это случай

уникальный за всю мою практику. Но так же, как и в физическом мире встречаются сиамские близнецы, есть они и на тонком плане. Тело одно, а души две... Если вы хотите, я могу объяснить подробней. Осознание подобной двойственности поможет вам найти себя... Суть в том...

От всей этой эзотерики у меня в голове вдруг образовался какой-то странный ветер. Наверное, этим ветром меня и сдуло из этой палаты сумасшествия. Я взялась за ручку двери.

– ...Суть в том, – продолжила я его фразу, – что всё, что мне сейчас нужно найти, – это своих родителей!

Я открыла дверь. Эксперт улыбнулся улыбкой Воланда. И на прощание бросил странное:

– Не всё...

Этот Город не отпускал меня и не давал мне новых зацепок. Взяв меня в окружение, Город М. теперь решил взять меня еще и «на испуг». Больше всего на свете я боюсь быть неадекватной. А проще говоря, съехать с катушек.

Думаю, даже тут, сидя на своем окне и перебирая фотографии, я что-то могу сделать, чтобы собрать свой душевный раздрай в кучку. Только что? Дедушка бы сказал: «Надо сражаться!» И я уверена, не стал бы уточнять, с кем. С Воландом, с Воландемортом или с двойственностью, о которой меня сегодня известил эксперт. А вдруг он не сумасшедший? Я человек тёмный, до седьмого класса путала судопроизводство с кораблестроением. Поэтому могу ошибаться, но мне кажется, что сумасшедшие – самые цельные люди. Они не станут окружать себя и Буддой, и Христом одновременно, а выберут что-то одно, на чем они помешаны.

Двойственность... Всю жизнь меня преследовало это понятие. Если разобраться, то уж если у меня что-то есть, то этого всегда как минимум два! Друзья всегда шутят: «Ты б хоть поделилась с кем – два имени, две родины...».

Я решила опять пойти в свой внутренний кинотеатр и порыться в старых пыльных бобинах с отснятыми кусками моей жизни.

Стою перед зеркалом. Позади меня тоже зеркало. Вижу

бесконечное множество взаимоотражений. Я, еще я, и еще я...

Вхожу в тёмную-тёмную комнату, где пахнет жостью коробок с пленкой. Слышу потрескивание старого кинопроектора.

На огромном экране появляется мой дневник, который я забываю вести. Я вижу свои руки, они пишут в дневнике.

Левая рука пишет почерком, напоминающим арабскую вязь: «Два имени, две родины, две пары родителей. Успела получить два образования и подпортить жизнь двум молодым людям. Вторые отношения я уже давно переросла, но никак не могу отпустить...».

На самом деле я бы не сказала «два», но и не одно – это точно. Неоднозначность. Ни левша и ни правша...

Правая рука пишет мелким, как сказал дедушка, «офицерским» почерком: «Неоднозначность». И выделяю зеленым маркером слово «Неоднозначность».

«Ambidexter». Как это по-русски? – «оберуч»... В этом, конечно, есть свои плюсы (устала левая – пишу правой). Но на экране моей жизни вдруг появляется наша новая училка-американка, которая пришла к нам в седьмом классе. Она забирает мою тетрадь и пытается выяснить, кто же написал за меня вторую часть сочинения (а писали мы его вообще-то в классе!). Она позорит меня перед всем классом, обвиняя в том, что вторую половину текста за меня писала Стейси. От такого поворота я слегка обалдеваю. Потом она наконец

выясняет, что обе части писала я, но разными руками. Все смеются. Я вжимаюсь в парту.

Я сдавливаю свои виски – как оказалось, это самый удобный пульт на свете! – и перематываю запись далеко вперед, почти в сегодняшние дни, точнее, в прошлую весну. Я вижу себя в танцевальном зале, на занятии по джаз-модерну. Группа девушек и женщин, а также парочка парней делают разминку под музыку. Движения показывает Аня, наш преподаватель по джазу, белокурая стильная девушка в майке, с короткой стрижкой и татушками в виде витиеватого растительного узора на изящных плечах. Прической она напоминает мне Нильса с гусями из мультика по сказке Лагерлёф.

У «оберучия» есть свои минусы. Когда человеку всё равно, какой рукой писать, – ему также всё равно, какой ногой выполнять движение. По крайней мере, в моем случае это так.

–левой, левой – надрывает слегка осипший голос Аня, – для тех, кто всё ещё путает, специально повторяю! Батман-тандю левой!

Полный провал! Я понимаю, что это она мне, – срочно меняю позицию. Путаница, которая возникает у меня в голове, заставляет пользоваться дурацкими средствами: у всех на ногах обычные носки, у меня – разные. Один желтый, другой – красный. Мне это помогает. Но, как видите, не всегда. Рядом Жанна в полосатых гетрах хихикает надо мной. Сама по технике – вообще ни о чём, а надо мной ржёт. Она, навер-

ное, думает, я у них типа шута – посмешище. Я выругалась на нее про себя.

Частенько я думаю по-английски, то есть успела стать билингвалкой, но матерные слова у меня всплывают почему-то только по-русски.

Надавливаю себе на виски – перематываю пленку всего на пару дней назад. Еду по Кутузовскому на своей «божьей коровке». Меня подрезает джип «холодильник». За рулем, судя по всему, блондинка. Хотя нет, рыжая. «Ёж-через-ежиху!» – я дала себе волю и обматерила ее не хуже заправского бомбилы. «Ёкибастуз твою ГРЭС» и т. д., но только по-настоящему. Мда... Ругаться я предпочитаю по-русски.

Я возвращаюсь в комнату и всматриваюсь в фотомонтаж, где изображены трое – я, брат-близнец и сестра-близнец.

Кто я? И как мне найти ответ на этот вопрос? Что и кому я хотела доказать, создавая такую странную «семью» из множественных «я». Хотя, по-моему, семья вообще только для того и создается – чтобы размножить «себя» в удобоваримом количестве. Создать себе подобных. Мне кажется, большинство людей запихивают свое второе «я» куда подальше, чтобы создать реальную семью... Да что там второе – первое тоже запихивают! А между тем разве нормальные герои создают семьи?

На моем экране замелькали обложки моих любимых детских книжек и фильмов.

У Карлсона была семья? – Нет, он убежденный холостяк!

А у Мэри Поппинс? – еще чего! Она даже не задавалась вопросом, есть ли жизнь после свадьбы. Питер Пэн вообще решил не взрослеть – только чтоб не жениться. Маленький принц, скорее всего, предпочел бы смерть семейным отношениям. А Шерлок Холмс мало того что сам не женился, так еще о женитьбе своего лучшего друга Ватсона отозвался презрительно. А мой любимый Мюнхгаузен? Это только в фильме у него была Марта, а в моей детской книжке, ею и не пахло. А я что – хуже? Лучше заведу себе Громита, как Уоллес, – ну, такую собаку-компаньона... Мда... А как же Феликс?.. А Феликс пусть кота себе заведет.

От осознания одной простой мысли мне реально поплохело: герои, на которых меня воспитывали, – сплошь эгоисты и одиночки!

Так, мне срочно нужен кофе! Мне было лениво сходить по ступенькам, и я, съехав вниз по перилам, отправилась на кухню. Достала из холодильника молоко, газету и сахарницу.

«Кстати, о семье, – думала я, заваривая такую гущу – просто нефть бакинскую! – Поскольку я росла в двух семьях, думаю, у меня есть все задатки к полигамии. А что – это мысль: создать парочку семей! Я вздохнула. Кажется, я действительно моральный урод... Или я брежу? Чего только не взбредет в голову, чтобы отвлечь себя от грустных мыслей...

После того, как сделала глотка три такого кофе, моё сердце решило выпрыгнуть из груди. Говорят, в жару надо есть арбузы, а не кофе пить. А еще лучше молоко, чтоб всю га-

дось, которой мы сейчас дышим, из организма выводить. Я добавила в свою адскую смесь пару капель молока...

Когда же все началось? Может быть, надо отмотать запись моей «так называемой жизни» к самому началу, где было единство хоть чего-нибудь?

#

Я возвращаюсь в свой личный кинотеатр, вхожу в тёмную комнату и подхожу к двери. Она сделана из прозрачного стекла, но в нее встроен глазок. Странно, зачем глазок, ведь дверь и так абсолютно прозрачна? Я заглядываю в него и вижу, что он состоит из множества цветных стеклышек, словно микро-витраж. Наверное, этот глазок нужен, чтобы было веселей смотреть на этот серый мир! Но через мгновение я обнаружила, что мир стал белым – в комнате падал снег...

Я увидела заснеженный сказочный лес. Он был сделан из моих детских рисунков. Да, да, я уже и забыла! Таким я рисовала его в детстве. Таким я воссоздаю его сейчас. И вот в этом лесу появляется нарисованная машина. В ней едут двое настоящих людей. Это мои родители. Совсем еще юные. К нарисованным телам я приклеила их почти настоящие фото-головы. История проста, мне не раз рассказывал ее папа.

Когда в детстве меня спрашивали, чем занимаются мои родители, я отвечала так, как подучил меня дедушка: «Папа режет, а мама зашивает». Короче, когда мои мама и папа

еще не были моими родителями, они были просто аспирантами-медиками. И вот однажды...

Тут я, пожалуй, опять сделаю вам «имаджинейшн спойлер»: я скажу, что в ту пору мой папа внешне очень напоминал молодого Джона Малковича (если вы можете представить себе Джона Малковича с темной шевелюрой), а про маму все всегда говорили, что она похожа на Жульет Бинош. Что вы сидите! Если я позволяю вашему воображению лениться, это не значит, что вы должны просто читать этот дрим-каст – гуглите фото, лепите уже готовые образы.

И вот как-то ночью едут они на практику. Дорога их лежит через темный-темный лес. И вдруг – бах! – машина глохнет.

Чирк-чирк, чирк-чирк! Это папа чиркает зажиганием, но машина упрямо не заводится. Кругом ни души – лишь заснеженный лес. Мама ищет что-то в багажнике автомобиля, но не находит ничего полезного. Мама и папа трясутся от холода, как соседская такса Кэмэл во время грохота салюта. Мама открывает спичечный коробок – там пусто.

Ой, они же могут умереть от холода! Или от голода... Или от страха... Из-за дерева показывается нарисованный медведь. Я нарисовала его с такой хитрюющей мордой! Как у Луши.

Но папа не растерялся. Он шарит во врачебном чемоданчике и находит там маленький пузырек с медицинским спиртом. Мама и папа переглядываются. Ура!

Папа говорит: «Что ж! Для сугреву!»

И вот мама и папа, теперь веселые, пляшут вокруг торчащей из сугроба ёлочки. А под ёлкой, вместо снегурочки, красуется пустая спиртовая ёмкость. Я, чтобы было виднее, нарисовала ее большой – наверное, литров на пять... Поэтому они – ну очень веселые!

На самом же деле с пяти капель пьян не будешь. Для тепла им этого не хватило, а вот для храбрости – вполне! Папа стал весело буйнить, будто он и вправду пьян, замерз, а «ботиночки на тонкой подошве» – следовательно, надо плясать и увлекать в пляс маму. Мама ему слегка подыграла.

И вот папа и мама опять сидят в машине и трясутся от холода.

– Фу! Да от тебя спиртом пахнет! – говорит мама папе.

– Это же чисто в медицинских целях, – отвечает папа и добавляет голосом пьяного Буркова, – а вообще... «я никогда не пьянею»...

Они смеются. Мама смотрит на папу нежно своими прекрасными синими глазами, и губы у нее сейчас тоже синие от холода... И вот папа совсем расхрабрился, снял свою кроличью шапку, бросил ее оземь и... решив согреть маму, наконец, спустя семь лет совместной учебы, поцеловал её...

Нарисованный медведь выглядывает из-за дерева и смотрит на них. У него расширяются глаза...

В медведя летит бутылка – чтоб не паялился куда не надо! – но не попадает, разбивается о дерево. А медведю в лоб отскакивает осколок – Ауч! Кровя-я-ка...

Короче. Дело к ночи. На свет я появилась, ох, в непростых условиях...

Нет. Стоп! До моего появления случилось еще кое-что серьезное...

#

За столом конференц-зала хирургической клиники сидят в белых халатах врачи. Мама и папа, аспиранты, сидят рядом друг с другом. Ага! Мама уже носит меня под сердцем! Хотя она еще об этом не догадывается...

На кафедре выступает энергичный пожилой профессор, главврач.

– Просто подрывается авторитет нашей клиники, товарищи! – его голос гневно звенит в тщательно дезинфицированных ушах собравшихся в зале медиков. – У хирургов, связанных какими-либо отношениями, кроме профессиональных и товарищеских, притупляется внимание. Они тратят больше внимание друг на друга, нежели на пациента. И я не позволю, чтобы семейные пары стояли за одним операционным столом!

Главврач складывает свои бумаги в аккуратную стопочку, выпивает стакан воды. Он внимательно смотрит на маму. Она смело, с вызовом, глядит ему в глаза.

– А если некоторые решат связать себя подобного рода «отношениями», то место им, – главврач делает многозна-

чительную паузу, – в разных клиниках! Это я ответственно заявляю.

В ответ на эту гневную речь мама решительно берет под руку сидящего рядом папу.

Как рассказывала мне мама, у главврача с говорящей фамилией Нудов были свои веские основания нести бред по поводу брачных уз и разлучать моих будущих родителей. Он был по макушку своей накрахмаленной шапочки влюблен в мою маму...

Я слегка давлю себе на виски, перематывая киноленту, и вижу – сказочный солнечный остров! Люди, попавшие на этот остров, гнались не за удачей, не за богатством, а за Большим Солнцем. А может быть, за любовью. Проще говоря, группа русских врачей во главе с папой и мамой, а под мышками – с теплыми куртками, приехали на Кубу.

И вот, очемоданенные, они направляются к зданию местного госпиталя. Их окружает толпа кубинских ребятишек. Одна кубинка что-то экспрессивно объясняет врачам по-испански.

Да, поскольку мои родители срочно хотели связать себя этими узами и только на законном основании делить ложе и стол – пусть и операционный, они использовали первую же возможность помочь дружественному кубинскому народу. Ведь они же не знали, какой я сюрприз им приготовила, задумав собственное появление...

Папа с любопытством осматривает здание. Чистое поме-

щение с белыми простынями на незамысловатых столах, койки из дерева, темнокожие нянечки. Мама улыбается, обнимает папу. Начинается новая жизнь.

Я еще немного перематываю и вижу совсем иную картину: убогое крошечное помещение с щелями в стенах, через которые виден свет. Папа чинит провисшую дверь. Мама трет грязные полы тряпкой. По полу ползают огромные – десятисантиметровые! – кубинские тараканы. Мама в ужасе. Она сбрасывает с ноги босоножку и нещадно истребляет ею насекомых.

Расправившись с тараканами, мама устало прикрывает лицо руками и горько плачет.

Вообще-то я люблю насекомых, но когда мои родители узнали про меня, то почему-то решили, что мое появление на свет будет слишком... э... торжественным для столь прозаической обстановки.

И вот папа, уже в белом халате, стоит у хирургического стола в кубинском госпитале. На улице ночь. Через открытое окно доносятся стрекотание сверчков и цикад, шум океана. Папа целует маму в шею. В кабинете они одни. Затем папа тщательно, большим куском ароматного кубинского мыла, которое было на вес золота, моет руки над эмалированным тазом, мама поливает ему из кувшина.

Папа вопросительно смотрит на маму, словно хочет убедиться еще раз в твердости ее намеренья. Мама отвечает утвердительно, одними глазами. Папа надевает на лицо по-

вязку.

Мама расстилает на столе свежую простыню и ложится на нее. Папа решительно выкладывает инструменты на столик, стоящий рядом с операционным столом.

Мама закрывает глаза и прикусывает губу. И вдруг – тар-бам! Мама слышит грохот. Она открывает глаза: папа лежит на полу. Он упал в обморок. Мама облегченно выдыхает и опускается на стол.

Вы скажете: «Ну ты загнула! Хирурги не имеют обыкновения падать в обмороки!»

Папа поднимается с пола бледный. И говорит вам, именно вам.

– Может быть, это не те хирурги, которые делают такие вещи собственным женам?..

Папа медленно подходит к столу, изнеможенно садится на него рядом с лежащей мамой. Грустно смотрит на нее. Он очень бледен, она же – напротив, с горящими щеками и блестящими глазами. Она очень красива.

Папе идет белый халат – накрахмаленный, строгий. Папа закуривает, его рука трясется.

– Я не могу этого сделать, – произносит папа хрипло, глядя маме прямо в глаза.

Мама выглядит спокойной и тоже утомленной, словно обмякшей. Она пожимает его свободную руку.

– Кажется, Бог этого не хочет, – отвечает мама.

В ее глазах чуть поблескивают слезы. Но она собирается

с силами и кротко улыбается.

Папа кивает и затягивается сигаретой.

– Значит, будем расширять нашу ячейку общества среди пауков и тараканов!

Так папа и мама всё-таки решили меня рожать...

О, май гад! Тут до меня вдруг доходит страшное: они тогда меня чуть не убили, а я их сейчас. Я объясню вам чуть позже.

Вы, конечно, подумали, что мои родители какие-то уроды. Или что я несу тут художнику полную. Нет, всё правда. Почему в моем мультяшном фильме я не могу постебаться на тему тараканов? Так, для разнообразия. Ладно, можете отписаться от моего канала: моя версия с тараканами в качестве причины аборта не прокатит только потому, что она не особенно правдоподобна.

Я узнала частичную правду в тинейджерстве, когда они ссорились. Ненавидела их жутко. Я просто расщепилась на две половинки и стала жить двойной жизнью. Создала себе новых, воображаемых родителей, нормальных, тех, что рядом со мной.

Два года спустя, когда дедушка понял, что со мной происходит что-то не то, он насел на меня, «расколол» и рассказал мне уже полную правду – всё так, как оно было на самом деле и про настоящие причины. Маме никак нельзя было рожать, по медицинским причинам. И любые удачные роды могли

приравняться к настоящему чуду... Короче, жить из нас двоих мог только один – либо она, либо я.

Но они так меня хотели, что всё-таки решили рискнуть. Поэтому я их, конечно, поненавидела еще дня три, но потом простила. Однако история с моими «вторыми родителями», которых я придумала, разрослась среди моих новых друзей уже настолько, что я не могла от нее избавиться.

#

Я перематываю кинолентку еще немного и вижу восход на берегу океана. Вот уж что терпеть не могу, так это описывать пейзажи! Ладно, почувствуйте, что пахнет сигарами и кубинским ромом. Какие еще штампы я могла усвоить, плавая в утробе?

Толпа пестро одетых кубинцев на берегу грузит свои манатки-шмонатки на паром; босолапые мальчишки шныряют по берегу взад-вперед, выкрикивая что-то по-испански; малыши по-чаячьи мяукают; их дородные мамы своими огромными руками собирают детей в кучу, на ходу кормя самых младших мячистой грудью. Тут же они расторопно отдают распоряжение паромщику, помогают мужьям грузить вещи, ругаются и плюют на песок. Какой-то парнишка, сидящий на берегу, смотрит вдаль на океан и поет заунывную песню по-испански. Рядом на песке лежит небольшой узелок. К ноге привязана веревка. На привязи, как щенок на

поводке, сидит зеленый кубинский варанчик. (Блин, что за кино такое кровожадное – тут всё время мучают животных?) Варан тоже смотрит вдаль, словно готовится к долгой переправе...

Папа ошибся. Среди кубинской фауны мне родиться так и не довелось. Как раз в этом году кубинские власти, заключив с США соглашение, разрешили вторую волну эмиграции. За полгода тысячи и тысячи кубинцев переправились во Флориду.

И поэтому, кроме многодетных семей, на пароме оказались рядом добрые олигофрены, целующиеся гомики и загорелые зэки с художественными красотами, вытатуированными на их накачанных плечах.

Так, при помощи нескольких переправ, предприимчивая Куба избавилась от десятков тысяч преступников, ВИЧ-инфицированных, геев, а также пациентов психиатрических клиник.

Я вижу, как русские врачи заколачивают окна госпиталя. Мама – с большим уже животиком – и еще две женщины-врачи, без животиков, выходят из здания с чемоданами.

А мои родители избавились от необходимости рожать меня во влажном тропическом климате Кубы. Ведь городок, где они работали, совсем опустел, и им пришлось вернуться на Родину. Они и понятия не имели, куда возвращаются: зачали они меня в одной стране, а возвращались теперь в совершенно другую. Вот! Пожалуй, тут-то и начинается исто-

рия моей двузначной неоднозначности...

Союз уже полгода как развалился, и в заметенном снегом Городе М. их ждала разруха, всплеск преступности и прочие прелести «лихих девяностых»... Сидели бы себе на своем безоблачном острове, раз уж поехали за Большим Солнцем.

С солнцем придется попрощаться. Папа берет у мамы чемоданы. Они едут в аэропорт.

#

Огромное океаническое пространство, над которым все еще восходит солнце. Земля остается где-то внизу. Затем совсем исчезает из виду – внизу простирается лишь водная гладь, на которой видны крохотные точки рыбацких лодок и тире кораблей и паромов.

Мама и папа и еще пять русских врачей летят в самолете. В иллюминаторе видна лишь водная гладь.

Папа рассказывал, что я родилась в полдень по... его часам. Хотелось сказать, «по местному времени», но, увы, никакой местности под нами не было – только Атлантический океан. Хотя, если быть точной, когда-то она всё же была, – ха! – ну, до того, как затонула...

Бортпроводницы суетятся, русские врачи открывают свои сумки, достают белые халаты, быстро надевают их. Кто-то несет воду в чайнике, кто-то подносы и чистые полотенца. Ёнгирид-твою-перекись! Неужели мне сейчас это покажут

– собственное рождение?! Вот это кинотеатр – супердупер-гиперсверх!

И вот маму усаживают на кресло, на котором постелен пледик и полотенца, ноги кладут на сиденье рядом. Спиной она опирается о борт с иллюминатором. Папа заботливо подкладывает маме свернутую куртку под спину, чтобы было мягче. Мама охает и стонет. Я сижу в темноте и жду своего выхода в свет. Жду папиного сигнала.

Папа любит шутить, что, поскольку часов у атлантов в силу затонувшести не наблюдалось, то, значит, я родилась не только вне пространства, но и вне времени...

Папа принимает роды. Две женщины-врачи помогают ему.

– Иди-ка сюда, – зовёт меня папа. – Вот так, так... – приговаривает он, принимая меня на руки. – Яви-и-лась!

Руки у папы сухие, теплые и чуть пахнут спиртом. Мне не просто холодно, я в шоке – словно вынули вас из индийского прогретого воздуха и окунули в прорубь в крещенские морозы. Вокруг всё почему-то гудит: люди, улюлюкающие и поздравляющие друг друга, мотор самолета... Или он ревет, а не гудит? Да, точно, это не я реву, это он плачет.

– Ничего страшного, – гудит басом какой-то мужчина в белом халате. – Восьмимесячные тоже выживают. Иногда.

Предполагалось, что я появлюсь в России, но – вы ж знаете – я совсем не умею ждать... Мамино лицо – по-детски удивленное – всё покрыто бисеринками пота. Она смотрит

на меня, потом на папу, словно не верит, что смогла сделать это. Что я явилась.

Уже прямо в самолете папа придумал мне странное имя, которое по-гречески значит «явление Божье». Еще со школы он увлекался греческим и латынью. И хоть мой папа жуткий атеист, а мама из исконно православной семьи (да еще и со священнической фамилией Беневоленские), – они прекрасно нашли общий язык. Имя было длинным, но звучало вполне как православное, на том и сошлись.

Папа с мамой молча «переговариваются». Папа улыбается маме, потом лишь глазами говорит: «Ты смогла». Мама отвечает ему одним взглядом: «МЫ смогли...»

Да, они всегда хорошо понимали друг друга. Знали, что хотят работать только вместе.

Я прокручиваю киноленту вперед и вижу комнату с занавесками в гладиолусах. У двери стоят чемоданы. Мама и папа присаживаются «на дорожку», затем папа хлопает себя по колену: пора! Встает. За ним встает мама. Они одновременно вздыхают и берут чемоданы.

Аааааааа! Я плачу... Я – и младенец, и одновременно вижу себя со стороны. Почему вы меня оставили? Почему...

Посреди комнаты, перед входной дверью, в растерянности после неожиданных проводов папы и мамы, стоят дедушка со мною на руках и Лолита Аркадьевна. Они смотрят на маленький полосатый чемоданчик, стоящий в углу.

Да, они всегда знали, что хотят работать вместе, поэтому спустя полгода после моего появления они опять укатили на край света. На этот раз, кажется, куда-то на бывшую БАМ, подальше от разваливающегося Союза, – наверное, хотели сделать вид, что ничего страшного не происходит, а там это было сделать легче...

И сделали-таки вид, что меня забыли... вместе с полосатым чемоданчиком.

Мои детские рисунки вновь задвигались: ёлочки, лес, опять ёлочки, провоз с вагончиками, стремительно удаляю-

щимися от города в сторону леса... Ту-ту, точка ру!

Уж дайте мне тут излить свой яд хоть немного, чтобы выпустить пар. Возможно, были какие-то веские причины, почему они уехали. Конечно, были. Чтобы «спасать мир». Но я была слишком мала, чтобы дедушка мог мне хоть что-то объяснить.

#

И вот мне уже год. Лолита Аркадьевна пытается кормить меня из ложечки. Изначально ее наняли для того, чтобы она кормила меня грудью. Ее сын Гришка умер, когда ему было семь месяцев. И тогда дедушка привел Лолиту Аркадьевну к нам. Полгода я брала грудь хорошо, а потом молока не стало, и меня пришлось перевести на искусственное питание.

В моем ёхарном детстве все вокруг только и делали, что делали вид...

А теперь я имею вид, то есть вижу на экране своей жизни, а моя кормилица Лолита Аркадьевна делает вид, что приняла меня за какое-то странное домашнее животное, которое питается исключительно детской молочной смесью «Малютка»...

Я плююсь, наотрез отказываясь это есть. Лолита Аркадьевна подозрительно смотрит на коробку с толстоцекиим карапузом, потом на меня, пробует смесь на вкус, пожимает плечами и высыпает остатки из коробочки прямо себе в рот.

Я смотрю на нее широко открытыми глазами: ладно, пусть ест на здоровье эту «каку», а на мне лучше бы опробовала колу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.